

Рис. Влады Семёновой

НОВЫЕ
ИМЕНА

И БУДУТ ЗЕЛЁНЫЕ ЛИСТЯ ШЕПТАТЬ...

С Людмилой Пельгасовой и Григорием Андреевым впервые мы встретились в Интернете, на сайте Стихи.ру, где они известны как Къелла и Данте-Сан, – и ещё раз убедились, как крепка в Казани литературная традиция, как щедр наш город на интересных людей. А объединяет авторов, представленных в этой подборке, не только неизбежный для поэта и нелёгкий поиск новых смыслов, но и сказывающиеся в особенностях поэтического письма частности – например, пристальный интерес к культуре Японии.

Людмила Пельгасова закончила Казанский энергетический университет, работает инженером, публиковалась в основном на литературных порталах в сети Интернет.

Кроме стихов и прозы, занимается живописью и графикой.

Григорий Андреев – студент филологического факультета Казанского федерального университета.

Борис Вайнер

Людмила Пельгасова

Перевал ирбисов

В линзах стальных зрачков мерцают звёзды над перевалом,
Холод материален, как лица призраков тишины.
Снежные звери здесь, и снег искрится в усах опалом,
Мех в камуфляжной саже от света седой луны.

Спирт – как очаг тепла для сталкеров в криогенной зоне,
Скучающий дождь морзянки из шкур выбивает дрожь.
Ладят к плечу плечо, как тамплиеры при Аскалоне,
Не выбитых из седла и на мякине не проведёшь!

Впрочем, всё это бред, поскольку барсы не ходят строем –
Каждый из них уникален, как след баллистических экспертиз.
Коли на совесть сшит, уже плевать, что неладно скроен.
Барсу любая стая – балласт, что утянет вниз.

Брошен давно рюкзак: ночлег, секунды недолгих сборов,
Снег здесь: и промедол, вода и пища, тройной бальзам.
Ветер сечёт глаза, но вспомни, ирбис, что эти горы –
Наши – как в старой песне – а значит, помогут нам!

Кошачья колыбельная

Глиняной лапкой манеки-нэко¹
Провожает рассвет за окном.
Серебром стихов ушедшего века
Расшито моё кимоно.

Сотни лет до конца – да, едва ли меньше –
Мир стекает тушью души
Одинокой и странной кошачьей гейши
С заснеженных горных вершин.

Суми-э² – это просто: дожди и пепел
Отгоревших походных костров,
Два журавлика-тсуру в алеющем небе,
Запах сакуры, шёлк рукавов,

Это – звон сямисэна³, фонарик бумажный,
Приютивший семейство звёзд,
Мир в два цвета: белила и чёрная сажа –
Как всегда лаконичен и прост.

Спи... и пусть сон твой будет светел,
Ты его прогонять не спеши,
Ты увидишь в нём волны и скалы, и ветер,
Что начертаны тушью души

Кошки-гейши, похожей совсем немного
На меня... и пусть странный дар
Вдруг явит на изломе горных отрогов
Очертания руны «Миитар»...⁴

¹ Манеки-нэко – статуэтка сидящей кошки, передняя лапка которой поднята вверх. Такие статуэтки привлекают удачу, везение и т.д.

² Суми-э – тип монохромной живописи, похожей на акварель. Выполняется тушью.

³ Сямисэн – трёхструнный щипковый музыкальный инструмент, «японская лютня».

⁴ «Миитар» – руна, означающая «начало», «исток».

Ода локомотиву

Вновь дорога зовёт прогревать дизеля,
Только трассе до лета скучать.
Дышит паром морозным стальная змея –
Я стою на перроне опять.

Этот поезд такой же, как все поезда,
Замечался о ветре зимы,
Он вздыхает в ночи о других городах...
Он такой же бродяга, как мы.

Вечный странник, пропахший табачным дымком
За бессчётные лиги пути, –
Он титаном своим, как турист – котелком,
Страшно горд и от счастья свистит.

И багажный вагон – всё равно что рюкзак,
Лишний груз на маршруте – звездёц,
Как знаком твой раскачливый боцманский шаг,
Звон колёс, стук часов и сердец.

Грудью ветер таранит стальной экстремал,
Музой странствий своих опьянён.
Вот и станция – каждому нужен привал,
А за нею – ещё перегон.

Нам пока что с тобой по дороге, дружок,
Звёзды кружат над нами венцом,
А когда расставания выпадет срок –
Обещай, что запомнишь в лицо!

До последней заклёпки на пыльных бортах,
Ты нам рад, как хорошим друзьям,
Оттого-то и грустно бывает всегда
Расставаться на станциях нам.

И поверить легко в то, что поезд – живой,
Брат по духу, а вовсе не вещь,
Просто нужно всегда возвращаться домой
В ожидании следующих встреч!

Культ Церулеума*

В облаках оставляя свой старый ковчег,
Чьи в железо и клёпки одеты борта,
Падал ты, как на голову падает снег,
Огляделся вокруг – ни холста, ни креста.

Но венчали сей ветреный храм купола
Белым шёлком на нервах натянутых строп,
И органная тема над миром плыла,
Точно месса «Te Deum» в режиме нон-стоп.

За грядой облаков правит бал вечный день,
Откровением тайн сопричастных даря:
Солнце лика не прячет от взоров людей
В золочёном окладе лучей сентября.

Здесь затёрты границы, что делят весь мир
Одеялом лоскутным на тысячи стран –
Не за этим ли души уходят в эфир,
В храм, где в вечной лазури играет орган?

Вновь окончен прыжок, и на твёрдой земле
Ты опять заурядный, простой человек.
Но как жаркие угли не гаснут в золе –
Ты отныне для мира потерян навек!

И, шагая по улицам к хмурой Неве,
Ты ко лбу вдруг приставишь ладонь козырьком,
Словно честь отдавая шальной синеве,
Что в окошке визира мелькнёт лоскутком.

В городской суете, где в глазах пустота,
Где житейские бури бушуют окрест –
Постарайся расслышать за воем винта
Отголоски торжественной мессы небес!

* Церулеум – зеленовато-голубая краска.

Тригорий Андреев

Пластмассовый кофе

По утрам пить пластмассовый кофе,
По снегам ходить до зари.
В леднике – тоска и картофель,
Тихо синий цветок горит.
И глаза устали от серости
Больше даже, чем от белизны.
На воротах моей крепости
Стражи бравые не видны.
Ледоруб музыкой звякает –
Это дворник работу ведёт.
Скоро с крыш звонко закапает,
И тепло с весной придёт.

Сонные кошки

А если слишком мало спать и много думать,
То можно придумать кошку, сидящую на окне,
Которая тёплой ночью, особенно очень лунной,
Сидит и ждёт до рассвета кота на белом слоне.
Кота с серебряной шерстью, с глазами словно янтарь,
Такого, чтоб от собаки не убежал на фонарь.
Но храбрый кошачий воин в ночи не спешит к окну,
А кошке всё нет покоя, она скребёт по стеклу.
Покинув свой пост с рассветом, ложится кошка в кровать,
А тот, кто придумал это, по-прежнему хочет спать.

А ещё можно выдумать звёзды, но тогда призовут к ответу,
Потому что на эти звёзды кто-то вешает копирайт,
Чем он вешает – я не знаю, наверное, дрелью «Makita»,
А может быть, и «Metabo», но, впрочем, не в этом суть.
Дело в том, что сверление дрелью бывает ужасно шумно
И бедному человеку опять не даёт уснуть.

А можно придумать ветки, и на них даже вырастут листья,
И будут зелёные листья шептать на тёплом ветру.
И, может, под этот шелест – приятный и очень тихий,
Кому-то всё же удастся уснуть хотя бы к утру...